

УДК: 821.133.1-31

DOI: 10.24412/2618-9313-2024-122627-39-43

Фантастическое во французском историческом романе первой половины XIX в.*Литвиненко Н. А.***Для цитирования***Литвиненко Н. А.* Фантастическое во французском историческом романе первой половины XIX в. // Телекинет. 2024. N1/2(26/27). С. 39-43.**Сведения об авторе**

Нинель Анисимовна Литвиненко, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения, Москва, Россия.

ninellit@list.ru<https://orcid.org/0000-0001-6400-9176>**Аффилиация**

Государственный университет просвещения, 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2.

Заявление об отсутствии конфликта интересов

Автор(ы) не сообщил(и) о потенциальном или явном конфликте интересов.

Информация о статье: поступила в редакцию 15.03.2024, принята к публикации 19.03.2024.

Аннотация

В статье рассматриваются процессы жанровой идентификации фантастического во французском историческом романе середины XIX века, роль и трансформация естественнонаучного и преднаучного знания — феномена месмеризма в изображении таинственных особенностей психологии и психики романтических героев, в постижении законов исторического развития. Рассматриваются, обосновываются связи фантастики с традициями готической литературы, романтизмом и мифом, исследуется специфика историзации образа мистического провидца в дилогии Жорж Санд («Консуэло», 1842–1843 и «Графиня Рудольфштадт», 1843–1844), и демифологизации феномена — образа авантюриста-провидца в первой части тетралогии Александра Дюма о французской революции («Жозеф Бальзамо или Записки врача», 1846–1848). Доказано, что фантастическое у Санд органично и убедительно вписывается в парадигму социально-исторического, с элементами социалистической утопии, романа о становлении артиста, у Дюма определяет особенности историко-приключенческого авантюрно-приключенческого романа. Фантастическое способствует формированию поэтики популярной, массовой литературы во Франции XIX в.

Ключевые слова

Фантастика, месмеризм, исторический роман, Жорж Санд, Александр Дюма

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

The Fantastic in the French Historical Novel of the First Half of the 19th Century*LITVINENKO, N. A.***For Citation**Litvinenko, N.A. The Fantastic in the French Historical Novel of the First Half of the 19th Century. *Telekinet*, 2024, no. 1/2(26/27), p. 39-43.**Information about the Contributor**

Ninel Litvinenko, Doctor of Science, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6400-9176>ninellit@list.ru**Affiliation**

Federal State University of Education, 10A Radio str., building 2, Moscow, 105005, Russia.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

Article information: received on March 15, 2024; accepted for publication on March 19, 2024.

Abstract

The article examines the processes of genre identification of the fantastic in the French historical novel of the mid-19th century, the role and transformation of natural science and pre-scientific knowledge — the phenomenon of mesmerism in the depiction of the mysterious features of the psychology and psyche of romantic heroes, in the comprehension of the laws of historical development. The author examines and substantiates the connections of fantastic fiction with the traditions of Gothic literature, romanticism and myth, and explores the specifics of the historicization of the image of the mystical seer in George Sand's duology (*Consuelo*, 1842–1843 and *Countess of Rudolstadt*, 1843–1844), and the demythologization of a phenomenon — the image of an adventurer-visionary in the first part of Alexandre Dumas's tetralogy on the French Revolution (*Joseph Balsamo*, or *Memoires of a Physician*, 1846–1848). It is proved that the fantastic in George Sand's books organically and convincingly fits into the paradigm of the socio-historical novel (with elements of a socialist utopia) about the formation of an artist, and in Alexandre Dumas's works it determines the features of the historical adventure novel. The fantastic contributes to the formation of the poetics of popular, mass literature in France in the 19th century.

Keywords

fantastic fiction, mesmerism, historical novel, Georges Sand, Alexandre Dumas

Проблемы теории истории фантастики, жанровой идентичности фантастической литературы весьма актуальны [Зубов]. Во Франции 2016 г. датируется международный симпозиум, организаторы которого констатировали: «Технологические, политические, эпистемологические потрясения, которые переживают наши общества, ...способствуют «возвращению» воображаемого в академическом смысле, как и в обычном смысле». Участники его ставили целью дальнейшее изучение природы и специфики фантастического, эволюции этого феномена на протяжении разных эпох¹. Со времени «всеевропейской интеллектуальной революции второй половины XVIII в. в области мысли и эмоциональной атмосферы» [Аверинцев, с. 3–13] принципиально трансформировались векторы научно-художественного познания. С. Аверинцев пишет о «разрыве инерции общепринятого» в эпоху Просвещения, в котором «были заинтересованы не только рационалисты, но также их наиболее крайние противники — мистики, тоже склонные к установке на разоблачение видимости и вскрытие парадоксального несоответствия между ней и сущностью, на отталкивание от естественного восприятия вещей» [Аверинцев, с. 3–13]. В этих условиях углублялись процессы историзации культуры и фантастическое в ней приобретало особый эпистемологический статус. В эпоху романтизма оно стало по-новому вписываться в дискурсы эпохи, на основе освоения опыта современности и предшествующих исторических эпох. Формы письма, выработанные поздним просвещением, интенсивно трансформировались и романтизмом, и реализмом. Наряду с традициями аллегорического изображения (Вольтер, Свифт) возрос интерес к мифотворчеству и мифам. Один из крупных итальянских философов XVIII столетия Дж. Вико в «фантастическом предвосхищении» — книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) писал о непрерывном развитии человеческого рода, «круговороте» истории: «Луч, которым Божественное Провидение освещает грудь Метафизики...», «Светящийся и видящий скорпион освещает Мировой Шар — таково Божественное Провидение» [Вико, с. 7, 34], — писал он. Классические аллегории, эмблемы приобретали семантику символов, мифологическая образность органично приобретала новое фантастическое измерение. Исторические прозрения о развитии наций, о роли преданий сочетались у Вико с аксиомой об Идеальной Вечной Истории, выверялись универсалиями и «границами человеческого Разума» [Вико, с. 120], представление о котором в XVIII в. претерпевало серьезные изменения. В трудах И. Г. Гердера разум и универсалии соотносились с процессами национально-исторического развития. А фантастическое в мифах и готике стало одной из форм рефлексии над постулатами и силлогизмами классицистических, рационалистических традиций художественного изображения. Романтизм в своем стремлении разрушить все границы, отбросить, стереть все ограничения в области эстетического познания, принципиально изменил отношение к сфере фантастического, осмыслив его как пространство проникновения непознаваемого и непознанного, иррационального, как область рефлексии над ним.

Теория и история фантастического и фантастики, как одной из ветвей гуманитарного мышления, формировалась в XIX в. на основе нового исторического опыта, в процессе эволюции литературы, становления литературоведения как науки [Тодоров]. В рамках небольшой статьи мы отметим некоторые особенности воплощения фантастического во французском историческом романе первой половины XIX в., анализируя с этой целью элементы поэтики репрезентативных произведений Санд и Дюма. Возникший на сломе эпох, пробудивший творческие ресурсы художника, провозгласивший безграничность его воображения, романтизм воплотил разочарования и утопии послереволюционного времени, погружался в познание пограничных сфер бытия, стремился проникнуть в его тайны — исторические, социальные и психологические.

На этой основе возникли многочисленные готические романы, появились произведения У. Бекфорда, Ж. Казота, М. Г. Льюиса, Ч. Р. Мэтьюрина, социалистические утопии П.-Б. Шелли, предугадавший массовую фантастику XX в. роман «Франкенштейн» (1818) М. Шелли, многочисленные сказки, романы и новеллы Гофмана, Л. Тика, В. Ирвинга, Э. По, сказки и фантазии Ш. Нодье, Т. Готье, новеллы Жерара де Нерваля. В романтическую поэзию органично и глубоко проникала фантастика, погружавшая читателя в воображаемые миры, стремившаяся преодолеть тесные земные пределы. Основоположник жанра исторического романа XIX в. «великий романтик и реалист» В. Скотт, как и его последователи, использовали фантастику при воссоздании «местного колорита», персонажей, вошедших в мифы и легенды предшествующих эпох.

¹ Littératures, Sociétés, Études Transfrontalières et Internationales (LLESTI) de l'université Savoie Mont-Blanc organisent un colloque anniversaire du 30 novembre au 3 décembre pour commémorer le cinquantenaire du Centre de recherche sur l'imaginaire; Théories et imaginaires de l'imaginaire. Cinquantenaire du Centre de recherche sur l'imaginaire (CRI) (Chambéry & Grenoble). Événement — Publié le 09 Novembre 2016 par Romain Bionda. Le centre de recherche ISA (Imaginaire et Socio-Anthropologie), composante de l'unité mixte de recherche Litt&Arts (UMR5316) de l'université Grenoble Alpes, et le Laboratoire Langues, Littératures, Sociétés, Études Transfrontalières et Internationales (LLESTI) de l'université Savoie Mont-Blanc organisent un colloque anniversaire du 30 novembre au 3 décembre pour commémorer le cinquantenaire du Centre de recherche sur l'imaginaire.

URL: <https://www.fabula.org/actualites/76616/theories-et-imaginaires-de-l-imaginaire-colloque-international-pour-le-cinquantenaire-du-centre-de.html> (дата обращения: 15.12.2023)

Мистико-фантастические искания романтизма оказали влияние на творчество не только романтиков, но и писателей-реалистов. Так, П. Мериме неоднократно обращался к стилизации мифов и легенд. В «Федериго» (1829) — это «стилизация под наивно-веселые кощунства средних веков». «Видение Карла XI» (1829) выдержано в стиле летописи, «Души чистилища» (1834) — историко-легендарная новелла с атеистическим подтекстом [Шрейдер]. В романе «Хроника царствования Карла IX» (1827) мистико-фантастическая легенда о Крысолове, зафиксированная в XVI в. [Малинкович], органично вошла в романное целое текста, объединяющего «правдивое» и «правдоподобное», фантастику и реальность. Привлекшая в начале XIX в. внимание поэтов, писателей [Малинкович, с. 9] легенда о Крысолове в романе Мериме способствовала созданию того внутрижанрового синтеза, к которому тяготел жанр исторического романа в целом. Фантастика современности входила в поэтику многих произведений автора «Человеческой комедии», в частности, таких романов, как «Шагреновая кожа» (1831), «Луи Ламбер» (1832), «Серафита» (1835). Неисчерпаемым пространством использования фантастического стали поэтические произведения Кольриджа, Р. Браунинга, В. Гюго, А. де Виньи, Э. По, Ш. Бодлера, их творцы безгранично расширили мифологическое пространство фантастики и фантастического, насыщая его собственными мифологемами и мифами.

Французский исторический романтический роман обращался к фантастике уже на ранних этапах своего становления. Создатель жанра романа-эпопеи Шатобриан широко вводил библейские и античные мифы, изображал языческие и раннехристианские воззрения своих героев. В «Мучениках» (*Les Martyrs, ou le Triomphe de la foi chrétienne*, 1809) писатель соотносил идеалы античности и христианства, вводил мифологические пласты культуры, связанные с Библией, отсылал читателя к великой поэме Мильтона «Потерянный рай» (1667–1674). Будучи новатором в области исповедального, личного романа, жанра мемуаров, философско-романтической эссеистики, Шатобриан в «Мучениках» предугадал жанровую форму романа-эпопеи, в структуре которого нашли воплощение черты не только традиционной, но и новой поэтики фантастического, связанные с использованием традиционных, но и сотворением новых художественных мифов, с изображением иррационально-мистического как важнейшей составляющей облика и поведения вымышленно-исторических героев (Эвдора и Кимодокеи), с защитой идеалов христианства, во славу которого был создан знаменитый трактат «Дух христианства» («*Le Génie du christianisme*», 1802).

Одним из источников фантастического в историческом романе середины XIX в. стало естественнонаучное и преднаучное знание — феномен месмеризма, осмысление которого сочетало элементы научного, экспериментального знания с психологическими фантазиями, домыслами и мифами.

Названный по имени австрийского ученого Месмера (1734–1815) месмеризм был одним открытием, оставившим заметный след в романистике эпохи, в жанре исторического романа. В 1779 г. Месмер опубликовал исследование, в котором изложил теорию «универсальных флюидов», которые циркулируют в телах как своеобразный «психофизический ток», оказывающий воздействие на поведение и психику индивида. Эта теория получила название животного магнетизма, сомнамбулизма, позднее ее называли гипнозом, истолкование ее зависело от этапа ее интерпретации, понимания явлений, которые рассматривал тот или иной автор. Открытия Месмера были широко известны во Франции, в Германии в конце XVIII в. и на протяжении всего XIX в. продолжали волновать человеческие умы. Возникнув в русле медицины, открытие «животного магнетизма» в 1840-е гг. получило научное объяснение на основании опытов манчестерского врача Брэда. В первой половине XIX в. литература привлекала, использовала «месмерические» мотивы, месмерически окрашенные фабулы, которые позволяли на фантастической основе выстраивать сюжеты, пользующиеся популярностью у современников.

В ряду таких произведений диалогия Санд «Консуэло» (1842–1843) и «Графиня Рудольштадт» (1843–1844). Исследователи видят в ней роман исторический и фантастический, с элементами готического жанра, приключенческий, посвящающий в тайны веры (initiatique); самый трогательный любовный роман, роман обучения, вместе с тем оккультный и музыкальный [Cellier, p. 10–20]. Фантастический элемент играет в структуре диалогии важнейшую роль.

В основе сюжета — картины исторической, музыкальной, общественной жизни середины XVIII в. Италии, Австрии, Пруссии и Франции, скрепленные судьбами гениальной артистки Консуэло и наследника чешских королей Подебрадов — графа Альберта фон Рудольштадта. Фантастические мотивы, связанные с идеями месмеризма, оказали заметное влияние на особенности развития романной интриги и образ главного героя.

Лейтмотив тайного мистического знания задан в судьбе ясновидца Альберта, поведение которого отличается странностями, окружающие видят в графе то ли мошенника, то ли безумца. Писательница наделила своего героя сверхъестественными способностями, которые находят проявление в бытовых деталях, но и в прозрении тайн исторического прошлого — гуситских войн и его собственного участия в них. В романе гуманистические идеи, искания, прозрения графа Альберта соседствуют с элементами оккультной фантастики и тайнами общества «невидимых».

Санд стремится сохранить равновесие между рациональным объяснением фактов — и необъяснимым в облике и поведении своих героев, оттеняя мошеннические проделки тщеславного авантюриста Калиостро гораздо более серьезной в идейном контексте диалогии фигурой графа де Сен-Жермена, впервые раскрывающего Консуэло идеалы невидимых — служения общему благу. Поступок Калиостро, показавшего Консуэло в магическом зеркале графа Альберта, — важен не только для развития интриги, но и как повод для авторской рефлексии, обсуждения возможностей самого существования этих «чародеев», «искусства чародеев» (*la science des sorciers*) и чудес (*prodiges*) [George Sand. vol. 1, p. 29], их влияния на человеческую судьбу. В диалогии фантастическое не всегда сохраняет мистическую природу, во многих случаях автор раскрывает тайну — объясняет факты, которые первоначально ускользали от понимания читателя и участников романной интриги.

Наряду с видимым планом событий в диалогии разрабатывается мотив «второго дна» — скрытой, тайно текущей жизни, он постепенно становится все весомее, представлен в судьбах многих персонажей. С ним связана история жизни графа Альберта, но и судьба Амалии Прусской, ее наперсницы графини фон Клейст, увлеченной магией Трисмегиста. С этим мотивом связано поведение брата короля Филиппа и самого короля, способного превратиться в барона фон Крейца. Фантастика приобретает приключенческую семантику, в то же время «путаница» с использованием двойников-масок позволяет «карнавализовать» мотив тайны, придать ему модус фантастического, включить героев в опасно-игровое пространство жизни, в котором героиня, а вместе с ней и читатель, на какое-то время утрачивают устойчивость, определенность оценок, доверие к происходящему.

Фантастическое, пограничное с фантастикой позволяет увидеть то, что скрыто в подтексте судеб романых персонажей и французской предреволюционной Франции — движение иллюминатов, поиски героями своего места в жизни, призвания, путей преобразования общества на справедливых общественных началах.

Фантастический мотив, основанный на идеях ясновидения, месмеризма лежит в основе судьбы главного героя исторической тетралогии А. Дюма о Французской революции. В нее входят «Joseph Balsamo ou les Mémoires d'un médecin» (1846–1848); «Le collier de la Reine» (1850); «Ange Pitou» (1850–1851); «La Comtesse de Charni» (1852–1855). Дюма обращается к этапу французской истории, хронологически последовавшему за эпохой, изображенной в «Консуэло». Писатель рисует жизнь предреволюционной Франции, события революции, в которые вписаны судьбы его исторических и вымышленных героев, создает широкое историческое полотно, сочетающее фантастику с фактографическим воссозданием хода событий. Это длящееся, динамически насыщенное, развивающееся по историческим, романым и романическим законам повествование, с всегда мнимо, лишь относительно известным, вновь и вновь выверяемым смыслом исторических явлений, которые все еще оставались для Дюма и его современников актуальными.

Общеисторический миф о Революции как великой и трагической эпохе, неизбежно трансформировавшийся в XIX в. на каждом новом этапе развития исторического и социокультурного развития, моделировал художественное видение автора романной тетралогии. В этом моделировании определяющую роль, как и в дилогии Санд, играл фантастико-приключенческий элемент. С его использованием связаны процессы не только мифологизации, но и демифологизации исторических событий, рефлексия, порой ироническая, над фантастикой и мифом. Пространством такой амбивалентной идентификации в структуре образа становится сочетание психологически историзированного принципа изображения — и авантюризма. Семантика амплитуды между реальным и фантастическим находит обобщающий модус именно в авантюризме героя, который предстает как едва ли не сверхчеловек, а в других случаях — как трикстер, выстраивающий интригу, манипулирующий судьбами других — исторических и вымышленных персонажей, легковверных, недалеких, одержимых, амбициями и страстями. Фантастическое органично и убедительно вписывается в парадигму приключенческо-авантюрного сюжета.

В «Жозефе Бальзамо» Дюма вводит читателя без исторического опосредования в событие — приключение: «Le 6 mai 1770 à l'heure où les eaux du grand fleuve se teignent d'un reflet blanc...» [Dumas. vol. 1, p. 4]. Герой обнаруживает свою мистическую природу, угадывая окружавших его выдающихся представителей масонских лож и рассказывая свою фантастическую предысторию, которая до времени не ставится автором под сомнение. Образ главного героя восходит к историческому прототипу, «совпадает» с мифом и легендой, творимыми Бальзамо-Калиостро, запечатленными в свидетельствах современников и его самого [Dumas. vol. 1, p. 4].

В структуре образа важнейшим становится мистико-фантастический элемент: под действием таинственного напитка герой познал все ипостаси своего земного существования — и свое предназначение в мире. То, что в дилогии Санд было результатом мучительных исканий героев, попыток найти ответы на «больные» вопросы — о смысле истории и ее целях, у Дюма представлено как фантастическое откровение: «Надо мною пролетел ангел, перенесший волю всевышнего с Востока на Запад. Ангел осенил меня крылом; вспыхнул огонь. И, странное дело, я свободно раскинулся, словно феникс, черпая новые силы в источнике жизни... После пробуждения, — продолжал ясновидец, — я почувствовал себя больше, чем просто человеком, я ощутил себя почти богом (je compris, que j'étais presque un dieu)» [Dumas. vol. 1, p. 28]. Писатель воссоздает тот модус сакрализации, который использовали авантюристы-целители и ясновидцы XVIII в.

Воплощая топос романтического сверхгероя, Дюма стремится обновить байроническую модель. С этой целью он вводит диалог Бальзамо с его учителем — полуфантастическим 100-летним Альготасом, образ которого расширяет фантастико-мифологическое пространство романа. Ученый-алхимик, Альготас ищет не без успеха эликсир жизни. Фантастическое — алхимические эксперименты — вплетается в сложный комплекс проблем: вечность, бессмертие — и политические цели, человечество, масса — и индивид, его выбор и судьба. Реализующийся на протяжении тетралогии в разнообразных перипетиях, в первой части тетралогии сюжетный конфликт связан с семантикой средневекового алхимического мифа, включает элемент его карнализации. В эликсир Альготаса через трубу попадает вода: «То есть как вода? Вода?.. Какая еще вода...» [Dumas. vol. 1, p. 46]. Высшее, всечеловеческое — и конкретное, реальное разведены, но благодаря фантастическому элементу иронически соприкасаются друг с другом, чтобы впоследствии читатель смог осознать их трагическую несовместимость. Роман строится как переплетение, взаимодействие частных судеб, частных интересов и исторических лиц, чья жизнь, во всяком случае, в 1774 г., когда начинается действие романа, носит вполне «домашний» характер. Позднее — по мере разворачивания сюжета это тождество постепенно разрушается. Стремительно мчащийся к Парижу экипаж принцессы Марии-Антуанетты задает динамику и направление событиям, устремленным к некоей цели, — той цели, которую пока только как предостерегающий знак в своем фантастическом гадании раскрыл юной Марии Антуанетте Жозеф Бальзамо. Ответ гильотины, возникший уже на первых страницах романа, пробуждает в читателе ожидание страшного, не менее притягательное, чем ожидание приключений, вводит в роман мифологему рока, судьбы. Фантастическое — гадание, предсказание, рок — становится важнейшим средством прогностического моделирования исторических событий и сюжета.

Двойственность в обрисовке главного героя проявляется с первых глав романа. Бальзамо — и всезнающий демиург, управляющий ходом событий, — и нуждающийся в помощи герой. Автор раскрывает не фантастическую основу знаний, полученных героем — они получены с помощью денег. Инструментом ясновидения Бальзамо становятся мадемуазель де Тавернэ и Лоренца. Месмерическое ясновидение остается едва ли не важнейшим аргументом в пользу фантастики, создающей романый сюжет. В то же время фантастическое предстает как достоверный атрибут облика и поведения авантюристов XVIII в. [Строев], жизненная судьба и облик которых строился на утверждении «кажущегося», не «быть», а «казаться». Дюма заставляет эти типы поведения то совпадать, то снова расходиться. Совпадают же они в мифе, который воспроизводит и в то же время разрушает писатель [Строев]. Исторически и национально окрашенный материал скреплен фантастикой, лежащей в основе идеи исторического провиденциализма.

Во французском историческом романе Санд, Дюма фантастическое, фантастика служили неисчерпаемым ресурсом философско-эстетического познания действительности, поиска путей постижения неведомого, выхода за пределы рационалистически

мыслимой миметической модели изображения жизни. Фантастическое затрагивало все сферы художественного творчества, входило в традиционные, осваивало новые жанровые ресурсы, проникало в изображение загадочных феноменов истории, сознания и поведения масс, завоевывало все новые и новые эстетические горизонты.

Литература

- Аверинцев — *Аверинцев С. С.* Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13.
- Вико — *Вико Дж.* Основание новой науки об общей природе наций. Киев: REELbooks. ИСА, 1994. 640 с.
- Зубов — *Зубов А. А.* Фантастование и теория жанров // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 53–65.
- Малинкович — *Малинкович И.* Судьба старинной легенды. М.: Синее яблоко, 1994. 152 с.
- Строев — *Строев А.* «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: НЛО, 1998. 398 с.
- Тодоров — *Тодоров Ц.* Метаморфозы сознания. Под редакцией В. П. Шестакова. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2007. 383 с.
- Шрейдер — *Шрейдер Н. С.* О специфике жанра «Душ чистилища» Мериме // Проблемы метода и стиля. Зарубежная литература. Выпуск 2. Днепропетровск, 1975. С. 33–39.
- Cellier — *Cellier, L., Guichar, L.* «Consuelo» et «La Comtesse de Rudolstadt» // George Sand. Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt. P.: Classiques Garnier, 1959. P. 10–20
- Dumas — *Dumas, A.* Joseph Balsamo ou les Mémoires d'un médecin. Bruxelles, Edité par Complexe, 1989. 506 p.
- Sand — *Sand, G.* Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt. P.: Classiques Garnier, 1959.

References

- Averincev, S. S. Dva rozhdeniya evropejskogo racionalizma [Two births of European rationalism]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 3, p. 3–13. (in Russian)
- Viko Dzh. Osnovanie novej nauki ob obshchej prirode nacij [The foundation of a new science about the common nature of nations]. Kiev, REELbooks, ISA, 1994, 640 p. (in Russian)
- Zubov, A. A. Fantastovedenie i teoriya zhanrov [Science fiction and the theory of genres]. *Uchenye zapiski Kazanskogo univenrsiteta. Seriya. Gumanitarnye nauki*, 2016, tom, 158, Kniga 1, p. 53–65. (in Russian)
- Malinkovich, I. Sud'ba starinnoj legendy [The fate of an ancient legend]. Moscow, Sinee yabloko, 1994, 152 p. (in Russian)
- Stroev, A. «Te, kto popravlyayet fortunu». Avanturyisty Prosveshcheniya [“Those who correct fortune.” Adventurers of Enlightenment]. Moscow, NLO, 1998, 398 p. (in Russian)
- Todorov, C. Metamorfozy soznaniya [Metamorphoses of consciousness]. Pod redakciej V. P. Shestakova. Saint-Petersburg, ALTEJYa, 2007, 383 p. (in Russian)
- Shrejder, N. S. O specifike zhanra “Dush chistilishcha” Merime [On the specifics of the genre of “Purgatory Souls” by Merime]. *Problemy metoda i stilya. Zarubezhnaya literatura. Vypusk 2.* Dnepropetrovsk, 1975, p. 33–39. (in Russian)
- Cellier, L., Guichar, L. “Consuelo” et “La Comtesse de Rudolstadt”. *George Sand. Consuelo. La Comtesse de Rudolstadt.* Paris, Classiques Garnier, 1959, p. 10–20.
- Dumas, A. *Joseph Balsamo ou les Mémoires d'un médecin.* Bruxelles, Edité par Complexe, 1989, 506 p.
- Sand, G. Consuelo. *La Comtesse de Rudolstadt.* Paris, Classiques Garnier, 1959, 602 p.